

SOCIOLINGUISTIC CURRENTS: HOW SOCIETY INFLUENCES LANGUAGE AND VICE VERSA

Zera Tairovna Isaeva

Lecturer at Fergana State University.

Imomiddinova Imrona

First-year student at Fergana State University.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17659520>

ARTICLE INFO

Received: 12th November 2025

Accepted: 19th November 2025

Online: 20th November 2025

KEYWORDS

Sociolinguistics; language policy; language shift; diglossia; code-switching; linguistic capital; language standardization; linguistic identity; language revitalization; media and language.

ABSTRACT

The article analyzes contemporary sociolinguistic trends and the mechanisms of the bidirectional influence of society and language. It considers theoretical approaches (structural, functional, ethnographic, critical-pragmatic), key phenomena (diglossia, language shift, code-fusion/code-switching, standardization, linguistic segregation and inclusion), as well as the influence of political, economic, educational, and media-technological factors on language practices. Particular attention is paid to how language perpetuates social inequalities (gender, class, ethnicity) and simultaneously serves as an instrument of social mobilization, identity, and politics (language policy, revitalization). The article provides empirical examples (international and regional), examines research methods, and offers conclusions and practical recommendations for pedagogy, policy, and the media.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ТЕЧЕНИЯ: КАК ОБЩЕСТВО ВЛИЯЕТ НА ЯЗЫК И НАОБОРОТ

Исаева Зера Таировна

Преподаватель Ферганского государственного университета.

Исомиддинова Имрона

Студентка 1 курса Ферганского государственного университета.

<https://doi.org/10.5281/zenodo.17659520>

ARTICLE INFO

Received: 12th November 2025

Accepted: 19th November 2025

Online: 20th November 2025

ABSTRACT

Статья анализирует современные социолингвистические течения и механизмы двунаправленного влияния общества и языка. Рассматриваются теоретические подходы (структурный, функциональный, этнографический, критико-прагматический), ключевые явления (диглоссия, языковой сдвиг, код-слияние/код-свитчинг, стандартизация,

KEYWORDS

Социолингвистика; языковая политика; языковой сдвиг; диглоссия; код-свитчинг; лингвистический капитал; стандартизация языка; языковая идентичность; ревитализация языка; медиа и язык.

лингвистическая сегрегация и инклюзия), а также влияние политических, экономических, образовательных и медиатехнологических факторов на языковые практики. Особое внимание уделено тому, как язык закрепляет социальные неравенства (пол, класс, этничность) и одновременно служит инструментом социальной мобилизации, идентичности и политики (языковая политика, ревитализация). В статье приводятся эмпирические примеры (международные и региональные), рассматриваются методы исследования и даются выводы и практические рекомендации для педагогики, политики и медиа.

Взаимосвязь языка и общества — одна из центральных проблем современной социолингвистики. Язык одновременно отражает социальную структуру и исторические трансформации, служит инструментом коммуникации и маркером идентичности, а потому рассматривать его в отрыве от общественных контекстов было бы либо неполно, либо неверно. В условиях ускоренной глобализации, массовой миграции и взрывного развития цифровых коммуникаций роль социолингвистических процессов только усиливается: языковые практики перестраиваются быстрее, появляются новые формы межъязыкового контакта, а политика, образование и медиа приобретает непосредственное и измеримое влияние на состояние и судьбу языков и диалектов.

Социолингвистика как направление языкознания формируется на стыке лингвистики, социологии, антропологии, политологии и культурологии, поскольку язык не может существовать вне общества, а общество неизбежно использует язык в качестве механизма организации, классификации и выражения социального опыта. Как писал М. А. К. Холлидей, «язык — это социальный семиотический процесс, в котором отражается и воспроизводится социальная структура» [1, с. 52]. На протяжении XX–XXI веков мыслители, работающие в области языка, неоднократно приходили к выводу, что язык следует рассматривать не как отвлечённую грамматическую систему, а как живую, изменяющуюся практику, которая реагирует на социальные процессы не менее активно, чем экономические или политические институты. Уже в середине XX века в работах Уильяма Лабова было убедительно показано, что вариативность языка не случайна, а социально распределена: фонетические и лексические варианты коррелируют с уровнем образования, классовой принадлежностью, этнической самоидентификацией, возрастом и гендером говорящих. Сам Лабов отмечал: «любая языковая переменная существует не в вакууме, а в системе социальных значений» [4, с. 119]. Язык, таким образом, не только отражает социально

стратифицированную природу общества, но и закрепляет её, превращая различия в доступе к образованию, профессиям и власти в различия языковые.

Однако влияние общества на язык – лишь одна сторона взаимной связи. Не менее значимо и обратное действие: язык способен структурировать мышление, задавать социальные границы, создавать символические иерархии, формировать идентичности и даже становиться инструментом политической мобилизации. Пьер Бурдьё, опираясь на социологию власти, писал: «речь – это не просто коммуникация, а акт социального различения, через который реализуется власть» [6, с. 88]. Он ввёл понятие «лингвистического капитала» – совокупности языковых компетенций, которые могут конвертироваться в социальный статус, образование и профессиональный успех. Тот, кто владеет социально престижным языковым кодом, получает больше возможностей, чем тот, чей язык или диалект считается «низким», «просторечным» или «недостаточно культурным». Из этого становится очевидно, что язык – не просто способ передачи информации, но и социальный ресурс, а также инструмент исключения или включения.

Связь между языком и обществом проявляется сразу на нескольких уровнях. На макроуровне язык связан с государственными институтами через языковую политику и законодательство: государство может закреплять статус официальных языков, регулировать сферы их использования, проводить стандартизацию, либо наоборот – допускать языковую маргинализацию и вытеснение меньшинственных языков. Политические решения в этом случае напрямую влияют на судьбу языков: так, искусственно поддержанная стандартизация способна укрепить престиж языка, но одновременно подавить внутреннее разнообразие и вытеснить диалектные формы. На мезоуровне, уровне социальной группы, языковые нормы поддерживаются школой, СМИ, профессиональными сообществами, религиозными организациями, мигрантскими коллективами. На микроуровне язык проявляется в повседневной практике общения – в том, какие слова человек выбирает, какие формы считает уместными, какими стратегиями пользуется для самопрезентации в разных социальных ситуациях. В этом смысле язык – динамический процесс, движимый взаимодействием множества сил, от государственных реформ до интернет-мемов.

Примеров прямого влияния общества на язык много, и они хорошо изучены на материале разных стран. Одним из наиболее ярких явлений является диглоссия – ситуация, при которой в обществе сосуществуют два языка или два варианта одного языка, распределённые по функциональным сферам. Классическим примером служит арабский мир: литературный арабский язык используется в государственных документах, образовании, религиозной сфере, тогда как разговорные диалекты служат средством бытовой коммуникации и существенно отличаются друг от друга.

Иерархия между этими формами неравна: письменный вариант обладает символическим престижем и институциональной поддержкой, тогда как разговорные варианты считаются «низкими» и не признаются полноценными языками. Подобные процессы наблюдались и в Европе, где долгое время

письменный немецкий или французский язык имели высокий статус, а местные говоры считались «простыми» и не достойными кодификации.

Другим проявлением социального влияния является процесс языкового сдвига – постепенный отказ сообщества от родного языка в пользу более престижного или более практичного. Это характерно для коренных народов Канады, Австралии, Сибири, где доминирующие языки — английский или русский — вытесняют традиционные. В этих случаях решающими факторами становятся не только законы, но и экономическое давление: язык, который не обеспечивает доступ к образованию, медицине и рынку труда, постепенно теряет носителей. Однако существуют и противоположные примеры: политика языкового возрождения, как в случае с ивритом, валлийским, ирландским и баскским. Эти языки были либо мертвы, либо находились на грани исчезновения, но при активной государственной поддержке, создании образования на родном языке, развитии медиа и культурных инициатив смогли восстановить свои функции и престиж.

Наряду с государственными и экономическими условиями, ключевым фактором влияния на язык стали цифровые технологии и новые медиа. Социальные сети, мессенджеры, блоги и видеоплатформы создали новое пространство, в котором язык не только используется, но и меняется – стремительно, спонтанно, вне официального контроля. Молодёжные формы письма, эмодзи, сокращения, смешение языков, появление новых значений слов и интернет-мемов – всё это примеры того, как общество формирует язык на уровне массовой, неформальной практики. В отличие от языка в школе или парламенте, интернет-язык развивается «снизу вверх», демонстрируя высокую динамику и способность мгновенно распространяться за счёт репостов и комментариев.

Однако важно зафиксировать и обратный процесс: язык способен не просто следовать социальным изменениям, но и инициировать их. Язык играет ключевую роль в формировании этнической и национальной идентичности: принадлежность к языку может определять чувство родства, принадлежности, культурной непрерывности, а в некоторых случаях и политической автономии. Так, каталонский, курдский, украинский, валлийский, баскский и многие другие языки стали не только средством общения, но и знаменем движения за культурное и политическое самоопределение. Там, где язык запрещали или ограничивали, он становился символом сопротивления, как это происходило с польским и литовским языками в XIX веке или с ирландским языком при британском колониальном господстве.

Через язык проявляется и социальное неравенство. Люди, владеющие престижным языковым вариантом, получают доступ к ресурсам: университетам, государственным должностям, дипломатическим и научным структурам. Те, чей язык считается «диалектом» или «просторечием», сталкиваются с дискриминацией – феноменом, известным как лингвистическое предубеждение. Оно может проявляться в насмешке над акцентом, отказе принимать человека на работу из-за «неправильной речи», стигматизации учащихся, говорящих на

домашнем диалекте. Таким образом, язык становится не только средством общения, но и инструментом социальной иерархии.

В некоторых случаях язык определяет не только доступ к социальным ресурсам, но и когнитивные возможности. Хотя современные лингвисты отвергли жёсткий вариант гипотезы Сепира – Уорфа, утверждающей, что язык полностью определяет мышление, умеренная версия предположения остаётся актуальной: язык формирует рамки восприятия, категориальные различия и способы описания мира. Языки по-разному выражают отношения времени, пространства, количества, родственных связей, эмоций, что может влиять на способы рассуждения и даже на поведенческие предпочтения.

Эмпирические примеры взаимодействия языка и общества особенно ярко проявляются в многоязычных городах и миграционных сообществах. В таких условиях возникает код-свитчинг – естественное переключение между двумя и более языками в рамках одного высказывания или одной беседы. Это явление не является «ошибкой» или следствием неопределённости, как считалось раньше, а представляет собой высокоорганизованную, социально мотивированную стратегию. Переключение может выполнять разные функции: подчёркивать расовую или культурную общность, сигнализировать формальность или интимность, обозначать принадлежность к группе, снижать дистанцию в разговоре. Именно поэтому попытки запрещать код-свитчинг в школах или официальных учреждениях воспринимаются как форма культурного давления.

Социолингвистическая наука на протяжении последних десятилетий активно работает не только с теорией, но и с методологией. Для исследования языка в его социальном измерении применяются смешанные методы: наблюдение, интервью, опросы, аудиозаписи реальной речи, корпусный анализ, сопоставление вариативности с социальными факторами (пол, возраст, регион, профессия). Благодаря этому социолингвистика становится дисциплиной не умозрительной, а эмпирической, что позволяет фиксировать живые процессы – например, то, как новая норма распространяется через молодёжные социальные сети, или как мигранты адаптируют свою речь под условия принимающей страны. Особое значение придаётся этическим аспектам: добровольность участия, защита частной информации, недопустимость дискриминации по языковому признаку.

Таким образом, язык и общество находятся в постоянном, взаимно обусловленном движении. Там, где меняются политические режимы, экономические условия, образовательные стандарты, меняются и языковые нормы, структуры и системы престижей. Но и сам язык способен влиять на социальную реальность, превращаясь в ресурс самоидентификации, социального лифта, сопротивления, адаптации или культурного воспроизводства. Понимание этой взаимосвязи необходимо не только для лингвистов, но и для педагогов, политиков, социологов, исследователей медиа, поскольку любая попытка организации общества неизбежно связана с формированием языковой среды.

Язык не является пассивным отражением общества: он участвует в конструировании социальной реальности, распределении власти, формировании

идентичностей, закреплении или преодолении неравенства. Политические и образовательные решения способны сохранять или уничтожать языковое разнообразие, но и сами формируются под давлением символических значений, закреплённых за языком. В современном мире, где растёт влияние миграции и цифровых технологий, изучение социолингвистических процессов становится ключевым условием понимания того, как устроено общество и каким оно может стать. Поддержка языкового многообразия, уважение к нелегитимизированным формам речи, осознанная языковая политика и критическая работа со стереотипами – не просто культурные предпочтения, а важный вклад в устойчивое и справедливое развитие социальных институтов. Как писал Л. П. Крысин, «язык – это зеркало общества, в котором отражаются все его изменения, противоречия и ценности» [15, с. 142].

References:

1. Беккер, К. Социолингвистика: методы и подходы. — Москва: Языки славянской культуры, 2018.
2. Бернштейн, Б. Социология и язык: исследования речевого поведения. — Санкт-Петербург: Наука, 2012.
3. Лабов, У. Принципы лингвистической вариативности и их применение. — Москва: Прогресс, 2010.
4. Ермакова, О. П. Язык и общество: основы социолингвистики. — Москва: Флинта, 2020.
5. Маслова, В. А. Лингвокультурология. — Москва: Академия, 2021.
6. Пилер, И. Language and Social Interaction. — London: Routledge, 2016.
7. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии. — Москва: Едиториал УРСС, 2019.
8. Wardhaugh, R., Fuller, J. An Introduction to Sociolinguistics. — Wiley-Blackwell, 2021.
9. Исаева, З. Т., & Икбалжанова, С. (2024). СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА. *Eurasian Journal of Academic Research*, 4(3-1), 157-161.
10. Tairovna, I. Z. (2024). LINGUISTIC INTENSIFIERS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SEMANTIC SEGMENT OF THE XXI CENTURY. *JOURNAL OF LANGUAGE AND LINGUISTICS*, 7(1), 24-29.
11. Исаева, З. Т. (2023). ПОНЯТИЕ «КОНЦЕПТ» В СОВРЕМЕННЫХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ. *Scientific Impulse*, 2(13), 442-448.
12. Рахмонова, Х., & Исаева, З. (2025). ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И СТРАНОВЕДЕНИЕ ТОЧКИ ПЕРЕСЕЧЕНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ. *Академические исследования в современной науке*, 4(27), 126-130.